

*Желание
женщины*

**Читайте
любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой
в серии «Желание женщины»:**

*Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
В Коктебеле никто не торопится
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Первый шаг к мечте
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Дьявол кроется в мелочах
Туман над темной водой
Лунная дорога в никуда
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Кружбовое убийство
Тайну прошепчет лавина
Алая гроздь турмалина*

Людмила

МАРТОВА

АЛАЯ

ГРОЗДЬ

ТУРМАЛИНА

МОСКВА

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

Мартова, Людмила.

М29 Алая гроздь турмалина / Людмила Мартова. —
Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-157161-0

(Детективные романы Людмилы Мартовой)

ISBN 978-5-04-157668-4

(Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой)

Реставратор Елена Беседина предвкушала новую интересную работу по восстановлению старинного особняка в самом центре города по заказу известного мецената Петра Беспалова. Но когда все уже было согласовано, его убили в этом самом доме! Обнаружившая тело Лена была потрясена, только знакомство с руководителем строительной фирмы Дмитрием Макаровым помогло ей справиться с этой ужасной ситуацией. Вдова Беспалова решила не сворачивать проект в память о муже, и Елена вновь оказалась в зловещем доме. Что-то не давало ей покоя, заставляя все внимательнее осматривать сохранившиеся детали, особенно старинные печи с барельефами...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157161-0

(Детективные романы Людмилы Мартовой)

ISBN 978-5-04-157668-4

(Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой)

© Мартова Л., 2021

© Оформление.

000 «Издательство «Эксмо», 2021

*Все события вымышлены,
любые совпадения случайны.*

Деревянный дом, выходящий фасадом в тень раскидистой липы, притих и словно замер в ожидании неизбежных перемен. Дом был очень стар — в прошлом году отметил свое двухсотлетие, — однако о своем возрасте и юбилее точно знал только он. Для всех остальных существовала строчка в Википедии: «Построен в первой трети XIX века, автор проекта неизвестен». Но дом трепетно помнил и год, и обстоятельства своего появления на свет, и даже предшествующие этому события, коим он стал неожиданным хранителем.

Эти стены действительно видели и помнили многое. Исторической эпохе дом был не просто свидетелем, а, скорее, участником. Соучастником даже. К своему статусу объекта культурного наследия регионального значения дом относился слегка иронически, но именно он позволял ему до сих пор оставаться в живых.

Расположенный на одной из центральных улиц старинного губернского города, но при этом чуть в стороне от основного людского и машинного потока, в тихом и зеленом месте, он бы уже давно был сровнен с землей ради возведения какого-нибудь современного особняка, если бы не охранный грамота, прилагавшаяся к статусу.

Благодаря ей он до сих пор скрипел на ветру и при этом хранил от случайных глаз важную, большую и страшную тайну. Если бы он был живым существом, то, несомненно, считал бы, что в соблюдении этой тайны и заключается его особая миссия. Но он был всего лишь древним деревянным домом, чьи разошедшие половицы провалились от старости, фундамент почти рассыпался в крошку, а когда-то величавые колонны на фасаде потрепались, угрожая обрушиться под тяжестью фронтона.

До недавнего времени, точнее, до конца только что отцветшего мая, в доме располагалась музыкальная школа. Однако находиться в нем, кряхтящем от старческих болячек, детям становилось опасно, а потому городские власти с облегчением приняли предложение известного мецената взять дом в льготную аренду за один рубль в год. За это меценат обещал отреставрировать его за свой счет с соблюдением всех требований сложного и запутанного российского законодательства по охране памятников культурного наследия.

Опыт такой тяжелой и неблагодарной работы у мецената имелся. Два года назад он уже взял на тех же условиях ответственность за другой исторический особняк, который с тех пор перебрали до досочки, по кирпичику и полностью восстановили. Теперь этим примером государственно-частного партнерства гордились городские власти, проект реставрации собрал всевозможные архитектурные премии, к особняку возили туристов, а семья мецената даже поселилась в нем, заняв личными покоями второй этаж, а на первом открыв сувенирную лавку и цветочный магазин.

Теперь и второй дом, по всей видимости, ждала такая же судьба. К предстоящим переменам дом относился настороженно, не желая за здорово живешь отдавать свою тайну. Конечно, оставалась надежда, что ее удастся оставить в секрете: то, что хранил дом, было упрятано надежно. За двести лет не нашли, глядишь, так и останется. А если нет?

Сберегаемая домом тайна была немного постыдной, и привлечения к себе всеобщего внимания, неизбежного, если она вскроется, он вовсе не желал. Вот только изменить ничего не мог. Музыкальная школа съехала, в опустевшие стены уже несколько раз наведывались архитекторы и строители, поэтому дом знал, что до начала ремонтных работ остались считанные дни. Знал и размышлял, кому из бывающих «на объекте» людей доверить свой секрет.

Одна из посетительниц нравилась дому больше других. Невысокого роста хрупкая женщина лет тридцати пяти числилась главным архитектором-реставратором, и в ее облике что-то неуловимо напоминало о дамах, бывавших здесь до 1917 года. Конечно, ни одеждой, ни прической, ни деловитостью она ничуть на них не походила, но почему-то при каждом ее визите дом вспоминал о своем прекрасном прошлом, когда он был молодым, модным и полным жизни. Кажется, у людей это называлось словом «порода». Пожалуй, если выбирать, то дом предпочел бы раскрыть свою тайну ей, но пока лишь наблюдал, пользуясь главным преимуществом своего возраста — терпением и умением ждать.

На улице шел ночной дождь, отбивал чечетку по местами прохудившейся крыше, одна из стен, примыкающая к дворовому фасаду, постепенно отсыревала, но сейчас это уже не имело значения. Дом мирно дремал под звуки летнего дождя, сбивавшего липовый цвет и наполнявшего воздух нежным цветочным ароматом вперемишу с озоном. Не было на свете ничего лучше запаха, даруемого летним дождем, и дом чувствовал себя спокойно и умиротворенно, поскольку именно белыми летними ночами ему особенно часто вспоминалось то хорошее, что происходило в его стенах.

То ли в воспоминаниях, то ли во сне, кружились пары в бальном танце, развевались подолы женских шелковых платьев, под аромат сигарного дыма велись степенные мужские разговоры, а в одной из задних комнат играла с дорогой иностранной куклой маленькая девочка со светлыми кудряшками. То, что хранил дом, предназначалось ей, но не сложилось, не срослось. Так бывает.

Странный звук пробудил дом от дремы, заставил вздрогнуть, вызвав дребезжание половиц. Кто-то влез внутрь, аккуратно выдавив стекло со стороны двора. Странно, кто бы это мог быть? Впрочем, кем бы ни оказался неожиданный посетитель, его визит не нес ничего, кроме зла. Добрые люди не проникают в чужие дома, выдавливая стекла, да еще под покровом ночи.

Незванный гость не торопился, неспешно обходя комнату за комнатой. Он явно что-то искал, подсвечивая фонариком, свет которого был направленным, а потому невидным с улицы. В руках он держал какой-то лист, периодически переводя взгляд с него на потолок,

стены и пол. Много лет дом ждал, когда скрытое в нем кто-нибудь обязательно начнет искать. Неудивительно, что это случилось. И то, что именно сейчас, тоже — шум новости об аренде и последующей реставрации надела-ли большой. Тот, кто ищет, понимает, что времени у него осталось немного.

Новый звук разрезал ночную тишину. Теперь открылась и мягко закрылась отпертая ключом центральная входная дверь. Шаги, раздающиеся из прихожей, были уверенными, хозяйскими. И проследовали они не в заднюю служебную часть, а в парадную анфиладу комнат. Первый визитер тоже услышал эти шаги — выключил фонарь и замер, видимо, принимая решение.

Старый дом тоже замер, предчувствуя беду. Если бы у него были глаза, то он бы обязательно зажмурился, чтобы не видеть всего того, что будет дальше. Но дома не умеют жмуриться, поэтому, вздыхая и скрипя от волнения, он стал свидетелем очередного поворота истории, свершающегося под его крышей.

Второй визитер даже не успел подготовиться, повернувшись на тихий звук шагов за спиной лишь в самый последний момент. Он лишь вскрикнул от неожиданности, вцепился в то, что держал его враг, и тут же упал от удара, нанесенного рукояткой фонаря в висок. Матерясь сквозь зубы (этого старый дом совсем не любил), первый незванный гость окинул взглядом поле короткой битвы, присел, приложив пальцы в резиновой перчатке к шее своей жертвы, снова замер, словно в раздумье, что делать дальше, но задерживаться на месте только что совершенного преступления не рискнул.

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

Опять прошелестели едва слышные шаги, крякнула рама окна, и человек исчез так же, как появился, нырнув в буйство зелени остатков неухоженного сада. Снова погрузившись в полную тишину, которую теперь ничего не нарушало, даже летний дождь, дом печально и торжественно смотрел на лежащее в одной из своих гостиных тело. За чем бы ни приходили эти двое, оно пока осталось у дома.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лена, точнее Елена Николаевна Беседина, поскольку именно так ее звали практически все знакомые, проснулась словно от удара и села в постели, тяжело дыша и потирая висок, который наливался тупой болью. Часы, мерцавшие в полумраке, показывали классический «час волка» — самое начало четвертого, момент перед летним рассветом, то самое время, когда, по статистике, умирает больше всего людей.

После того как именно в этот проклятый час Лена потеряла сначала отца, а потом и маму, это время она особенно не любила, и если просыпалась между тремя и пятью часами утра, то чувствовала безотчетную тревогу, даже страх. Она растерла лицо руками и прислушалась к ощущению, похожему на дрожащее внутри желе. Что-то должно случиться.

Встав с кровати, она нащупала ногами тапочки, стараясь двигаться неслышно, вышла из спальни в коридор, дошла до комнаты сына и заглянула через приоткрытую дверь. Разметавшийся на кровати Митька спал крепко и спокойно, как и положено в двенадцать лет. Ее тихих шагов он, разумеется, не услышал. Немного успокоенная, Лена вернулась в спальню и рассеянно погладила вопросительно глядящую на нее собаку.

Пес, восемь лет назад подобранный на улице спаниель по кличке Помпон, разумеется, не мог не заметить ее ночных передвижений, но встать в силу возраста ему уже было лень, потому он спокойно дождался возвращения хозяйки, чтобы убедиться — все в порядке. Помпон был собакой спокойной и с чувством собственного достоинства, так что суетиться не любил.

— Спи, — прошептала ему Лена, — рано еще.

Успокоенный ее голосом, пес послушно откинулся на свою мягкую лежанку и тут же засопел. Лена легла в кровать, жалея, что не может последовать его примеру, и твердо уверенная в том, что больше не заснет. Такое с ней случалось, если она просыпалась в «час волка». Нечасто, но бывало, и главное, что сейчас следовало сделать, это занять голову чем-нибудь полезным, чтобы не попасть в плен к глупым страхам.

К счастью, подумать ей было о чем. В ближайшие дни стартовали работы по реставрации старинного и очень известного дома, за которую она отвечала от и до, поскольку была главным архитектором-реставратором проекта. К дому она относилась с почтением, поскольку его история этого заслуживала, а к новому владельцу с не менее искренним уважением, потому что человеком он был уникальным. В нынешние времена, когда все вокруг покупалось и продавалось, а любые решения принимались только в пользу потенциальной прибыли, этот человек был настоящим меценатом, готовым вкладывать ресурс в виде денег и времени в восстановление памятников истории и архитектуры, которые без этого неминуемо погибли бы, причем уже в ближайшие годы.

Мецената звали Петр Беспалов, и первая встреча с этим человеком состоялась у Елены Бесединой два с лишним года назад, когда он уговорил городские власти передать ему исторический особняк – дом Балуевских. Лена была очень горда тем, что работу по реставрации этого здания он поручил именно ей, хотя особого опыта у Бесединой тогда и в помине не было. Да, она увлекалась историей архитектуры и про городские особняки XIX века знала, пожалуй, все, но ее реставрационное портфолио было более чем скромным.

Беспалов ей поверил, и она поклялась самой себе, что не подведет. За хранившимися в архиве материалами по истории дома Балуевских она провела не одну ночь, над чертежами и эскизами – и того больше, но результат превзошел все ожидания. Дом засиял новыми красками, сохранив при этом свои уникальные черты и максимум исходных материалов. Его разобрали, почистили, ошкурили, собрали, укрепили и покрасили фактически заново, и сейчас это был, пожалуй, лучший в их городе образчик особняка XIX века, в котором можно жить, работать и проводить экскурсии без опаски падения чего-нибудь на голову. К сожалению, таким состоянием другие старинные дома в их городе похвастаться не могли.

Работа была закончена только осенью, но за прошедшие месяцы Лена успела соскучиться по ежедневным визитам на объект, к которому относилась как к своему ребенку. Она знала в доме каждую трещинку, каждую половицу, каждый наличник. Она любила его и знала, что он отвечает ей взаимностью. Дом был благо-